

A romantic movie poster featuring a man and a woman in a close embrace. The man, with dark hair and a beard, has anatomical diagrams tattooed on his neck and hand. The woman has blonde hair in a bun and wears a green dress. They are in a room with a mannequin and a city view at night.

ИДЕАЛЬНАЯ ПОСАДКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

МИЯ ВЕЙН

18+

Мия Вейн

Идеальная посадка

«Автор»

2026

Вейн М.

Идеальная посадка / М. Вейн — «Автор», 2026

Он — Дмитрий Аверин. Гениальный дизайнер, владелец модного дома и самый закрытый холостяк Москвы. Его боятся все — от уборщиц до инвесторов. Она — Оливия. Продавщица из салона тканей, которая когда-то мечтала шить платья, а теперь считает каждую копейку до зарплаты. И единственная, кто посмел указать ему на дверь. Он нанимает ее личной ассистенткой. Варить кофе в семь утра в его пентхаусе, возить костюмы в химчистку — и не опускать глаз под его ледяным взглядом. А потом на светском вечере он при журналистах называет ее своей девушкой. И целует так, что в это верит вся Москва. Теперь у них договор. Три месяца. Пункт девятый: «Не влюбляться». Пункт десятый: «Никакого секса». Вот только у договоров, как и у платьев, бывает идеальная посадка.

© Вейн М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Мия Вейн

Идеальная посадка

Глава 1

(Оливия)

Дождь яростно барабанил по огромным витринам салона тканей на Патриарших. Часы над кассой показывали без пяти минут девять. Я работала в одном из лучших салонов тканей в городе. Так мне, по крайней мере, сказала управляющая Лидия Михайловна, когда я устраивалась на работу два года назад.

Я устало выдохнула, сдувая со лба прилипшую прядь, и потерла ноющую поясницу. Смена длилась уже двенадцать часов. Утром я едва успела проводить сестру в школу, а потом весь день простояла на ногах, таская тяжеленные рулоны бархата и шелка для капризных клиентов. Сейчас мне хотелось только одного: заварить крепкого чая и упасть лицом в подушку.

Телефон в кармане фартука коротко завибрировал. Соня.

«Лив, на экскурсию в Суздаль надо сдать 4800 до пятницы. Если нет, я не поеду, ничего страшного!!!»

Три восклицательных знака. Значит, страшно. Значит, едет весь класс, а она уже заранее придумывает, что ответит, когда ее спросят, почему она осталась дома. Я открыла банковское приложение, посмотрела на остаток до зарплаты и быстро закрыла его, будто от этого цифры могли подрасти.

«Поедешь. Не выдумывай», — написала я и добавила сердечко, чтобы она не прочитала между строк, как сильно я устала.

Я как раз потянулась к ключам, чтобы закрыть кассу, когда дверной колокольчик звякнул так резко, словно умолял о пощаде.

Вместе с порывом холодного московского ветра в салон шагнул мужчина. И пространство вокруг него будто мгновенно сжалось.

Он не просто вошел — он вторгся. Высокий, пугающе широкоплечий, в идеально скроенном черном пальто, которое просто кричало о своей баснословной стоимости. А уж в этом-то я разбираюсь прекрасно. Капли дождя блестели на его густых темно-каштановых, почти черных волосах. Но больше всего меня поразило его лицо. Жесткие, хищные черты, чуть смуглая кожа и глаза — невероятного, пронзительного темно-синего цвета, как штормовое море. Красивый. До неприличия, до дрожи красивый. И абсолютно, первобытно взбешенный. *Ну супер.*

— Где управляющий? — Его голос оказался низким, с легкой хрипотцой. Он звучал так, словно этот человек привык отдавать приказы целым армиям, и никто никогда не смел ему перечить.

— Добрый вечер. Салон закрывается, управляющего уже нет, — стараясь звучать вежливо, ответила я и вышла из-за прилавка. На фоне этого гиганта я со своими метр шестьдесят пять вдруг почувствовала себя совсем крошечной.

— Мне плевать, закрываетесь вы или нет, — отрезал он, делая шаг ко мне. От него пахло дождем, дорогим кожаным салоном автомобиля и чем-то терпким, похожим на кедр и корицу. — Моя компания бронировала шесть рулонов эксклюзивного миланского шелка. Поставка должна была быть утром. Где они?

Его властный тон заставил меня непроизвольно выпрямить спину. Вся накопившаяся за день усталость вдруг вспыхнула жгучим раздражением. Каким бы дорогим ни было его пальто, это не дает ему права так со мной разговаривать.

— Послушайте, — я вздернула подбородок, смело встречая его ледяной взгляд. — Я не знаю, кто вы такой и что вы там бронировали. Но вы не имеете права врывать сюда и общаться со мной в таком тоне.

Синие глаза сузились. Кажется, он на секунду опешил. Наверное, в его идеальном мире никто не осмеливался смотреть ему прямо в глаза и отвечать без дрожи в коленках. Мои, конечно, дрожали, но он, к счастью, этого не заметил.

— Девушка, вы хоть понимаете, сколько стоит минута моего времени? — обманчиво тихим голосом произнес он. — Откройте склад. Сейчас же.

— А вы понимаете, что такое базовое воспитание? — парировала я, делая шаг вперед, прямо на него. Инстинкт самосохранения явно отключился от недосыпа. — Приходите завтра с девяти утра. Дверь вон там. — И я указала пальцем на выход.

Он напрягся. Я видела, как заиграли желваки на его скулах. Мужчина шагнул ко мне вплотную, возвышаясь надо мной темной скалой, и в раздражении резко взмахнул рукой, указывая на подсобку.

Его рукав зацепил тяжелую, плохо закрепленную металлическую стойку с рулонами плотной парчи. Стойка угрожающе скрипнула и начала заваливаться прямо на меня.

Я даже не успела испугаться.

Мужчина среагировал с нечеловеческой скоростью. Он рванулся вперед, его сильные руки железной хваткой сомкнулись на моей талии, рывком притягивая меня к себе. Сзади с грохотом рухнула стойка, рассыпая тяжелые ткани по паркету, но я этого почти не слышала.

В ушах стучало только собственное обезумевшее сердце.

Я оказалась намертво впечатанной в его твердую, как камень, грудь. Одна его рука крепко обнимала меня за спину, другая лежала на затылке, защищая голову. Я судорожно выдохнула, мои ладони рефлекторно уперлись в лацканы его пальто. Под тканью бешено, но ровно билось его сердце.

Он медленно опустил голову. Наши лица оказались так близко, что я почувствовала тепло его дыхания на своих губах. Вблизи его глаза казались еще темнее, почти иссиня-черными. Его взгляд медленно, почти осязаемо скользнул по моему лицу, спустился к чуть приоткрытым губам и задержался там на секунду дольше, чем позволяли любые рамки приличия. Я заметила едва виднеющуюся татуировку за воротом его черной рубашки, но узор разобрать не смогла.

Воздух между нами затрещал от напряжения. Я почувствовала, как по позвоночнику пробежала горячая, незнакомая волна.

— Вы не ушиблись? — Его голос стал тише, глубже, и куда-то исчез весь металл.

— Пустите меня, — шепотом выдохнула я, не в силах отвести взгляд.

Он тут же разжал руки, и я повалилась назад, больно ударившись бедром об угол прилавка.

— Сами сказали отпустить. — Он ухмыльнулся. *Вот говнюк!*

Незнакомец шагнул назад, поправляя пальто и возвращая на лицо маску холодного, непробиваемого сноба. Но я успела заметить, как тяжело дернулся его кадык.

Он молча достал из внутреннего кармана толстую пачку купюр и бросил ее на прилавок.

— За бардак, — сухо бросил он. — А шелк я заберу сам. Завтра утром.

Развернувшись, он вышел в дождь, так же стремительно, как и появился. А я осталась стоять посреди разгромленного зала с горящими щеками, пытаюсь понять, почему мне вдруг стало так холодно без его обжигающего прикосновения.

Колокольчик над дверью звякнул еще раз — уже тише, жалобно, будто извиняясь за этого человека.

Я простояла так, наверное, целую минуту. Потом бедро напомнило о себе тупой, наливающейся болью, и реальность вернулась вместе с ней.

Разгром был эпичный. Стойка лежала на боку, как подстреленный зверь, а вокруг нее волнами растеклись рулоны парчи, тафты и бархата. Один, винного цвета, докатился до самой витрины. Если Лидия Михайловна увидит это завтра утром, меня уволят без выходного пособия. И без права на последнее слово. *Блядь! Ну что за мудака!*

Я опустила на колени и принялась за дело.

Сначала пришлось поднять стойку. Я уперлась в нее плечом, зашипела от боли в бедре и кое-как поставила на место, а затем начала по одному таскать рулоны. Парча весила как бетонная плита. Где-то на пятом рулоне я поймала себя на том, что прокручиваю в голове его голос. «Вы не ушиблись?» Тихо, совсем не так, как все, что он говорил до этого. Будто на секунду с него сползла дорогая броня, а под ней оказался кто-то живой.

А потом он меня уронил. Специально.

— Говнюк, — сообщила я винному бархату, и мне сразу стало легче.

Закончив, я вернулась к прилавку. Пачка купюр лежала там, куда он ее бросил, перехваченная банковской лентой. Пятитысячные. Я пересчитала дважды, потому что в первый раз сбилась. Сто пятьдесят тысяч. Почти три моих зарплаты. Просто так. «За бардак».

Я долго смотрела на эти деньги. Можно было бы закрыть долг за коммуналку. Купить Соне зимние ботинки, а не ждать распродажи, и оплатить ее несчастный Суздаль. Отвести бабушку к нормальному кардиологу, а не в районную поликлинику, где запись на месяц вперед.

Я убрала пачку в сейф и положила сверху записку для Лидии Михайловны: «150 000 р. Оставил мужчина (высокий, черное пальто, очень злой) за поваленную стойку. Сказал, что миланский шелк, который бронировала его компания, заберет сам завтра утром. О. В.».

Подумав, я зачеркнула «очень злой». Потом подумала еще немного и вписала обратно. Пусть Лидия Михайловна морально подготовится.

Перед тем как выключить свет, я все-таки заглянула в журнал поставок. Утром, когда приходил товар, я до обеда разбирала подвальный склад, и поставку Лидия Михайловна принимала сама. Никакого миланского шелка на складе не значилось. Только сегодняшняя строчка, вписанная размашистым почерком управляющей: «Шелк, Италия, 6 рул. — самовывоз. Оплачено». И чья-то подпись, похожая на перечеркнутую букву «В». Я нахмурилась, но тут же махнула рукой. Если шелк забрали, пусть утром Лидия Михайловна сама объясняется с мужчиной в черном пальто. Мне за такое не доплачивают.

Я погасила свет, заперла дверь и шагнула под дождь.

До «Маяковской» я добежала, промокнув до нитки. Зонт, конечно, остался дома — утром светило солнце, а московская погода любит такие шутки. В вагоне было почти пусто. Я опустила на сиденье, прислонилась затылком к стеклу и закрыла глаза. Четыре остановки до «Сокола». Можно позволить себе ни о чем не думать.

Но не думать не получалось. Стоило закрыть глаза, и я снова чувствовала его ладонь у себя на затылке. Он прикрыл мою голову рукой не раздумывая, будто делал это сотни раз. Это никак не вязалось с человеком, который через минуту ухмылялся, глядя, как я падаю.

Я опустила лицо и уловила едва заметный запах кедра на воротнике собственной блузки. Его запах.

Прекрасно. Теперь от меня пахнет незнакомым хамом.

Наш дом стоял в глубине двора за старыми тополями — обычная панельная девятиэтажка, в которой я прожила всю жизнь. Лифт, разумеется, не работал. Я поднималась на шестой этаж, держась за перила и прихрамывая, и на нашей площадке чуть не врезалась в широкую спину в форменной куртке: кто-то возился с замком соседней двери.

— Опа, — Никита обернулся, и его лицо расплылось в улыбке. — Воронцова. Ты чего так поздно?

Никита жил в квартире напротив нашей, сколько я себя помнила. В детстве он отбирал у меня лопатку в песочнице, в школе бил морды всем, кто дергал меня за косички, а после

похорон родителей неделю спал у нас на раскладушке в коридоре, потому что бабушка боялась оставаться по ночам одна. Теперь он работал в пожарной части и был размером со шкаф, и я до сих пор не могла привыкнуть, что этот шкаф когда-то ревел из-за отобранной машинки.

— Смена, — коротко ответила я.

Он прищурился, оглядывая меня с ног до головы. Пожарных, видимо, учат замечать все и сразу.

— А хромаешь почему?

— На меня упала стойка с парчой.

— Сама упала или помогли?

Я на секунду замялась. Никита тут же нахмурился, и в его голосе прорезалось что-то очень знакомое, старшебратское:

— Кто?

— Никто, Ник. Просто клиент психанул. Все нормально, правда.

— Адрес клиента, — невозмутимо сказал он.

— Спокойной ночи, Никита, — я рассмеялась и полезла в сумку за ключами. За спиной раздалось ворчание, а потом:

— Лив! Мама пирожков бабе Нине напекла, я завтра занесу. И дверь почию, если опять до обеда никто не придет.

— Ты лучший.

— Знаю, — донеслось уже из-за его двери.

В квартире было тихо и тепло, пахло яблоками и еще чем-то вкусным. Бабушка уснула в кресле перед телевизором, где беззвучно шел какой-то сериал. На журнальном столике рядом с ее очками стояла таблетница, разложенная по дням недели. Я осторожно укрыла бабушку пледом, выключила телевизор и заглянула в нашу с Соней комнату.

Сестра спала, уронив голову на альбом. Карандаш выпал из пальцев и закатился под стол, на щеке остался серый след грифеля. Я тихонько вытянула из-под нее альбом. Платье. Длинное, с открытыми плечами и пышной юбкой, нарисованное старательно, по-детски неровно, но с таким чувством линии, что у меня защемило сердце.

Мама рисовала так же.

Она была художником по костюмам в театре и назвала меня в честь Оливии Хасси — той самой Джульетты из старого фильма Дзеффирелли, который пересматривала, наверное, сотню раз. В детстве я засыпала под стрекот ее швейной машинки, а на дни рождения получала платья, каких не было ни у кого в классе. Шесть лет назад мамы и папы не стало. Мокрая трасса, грузовик, который не успел затормозить. Мне было девятнадцать, Соне — восемь. А два года назад, тихо, во сне, ушел дедушка, и мы остались вдвоем.

Я положила альбом на стол, укрыла Соню одеялом и пошла на кухню.

На холодильнике под магнитом в виде Эйфелевой башни висела стопка конвертов. Квитанции. Одна — с красным штампом «Задолженность». Рядом — фотография, на которой мама смеется, обнимая папу. А на полке над столом до сих пор лежали дедушкины очки для чтения. Бабушка не разрешала их убирать.

Я поставила чайник и только тогда заметила, что волосы рассыпались по плечам. Машинально потянулась к затылку. Заколки не было.

Маминой заколки. Старой, перламутровой, в виде бабочки с отколотым краешком крыла. Я носила ее каждый день последние шесть лет.

Сердце ухнуло вниз. Я вывернула карманы пальто, перетряхнула сумку, проверила прихожую. Ничего. Наверное, она слетела, когда я падала, и теперь лежит где-нибудь под стойкой среди обрывков ниток. Завтра найду. Обязательно найду.

Телефон зазвонил, когда я сидела над остывшим чаем. На экране высветилось: «Лиля». Почти полночь. Нормальные люди в это время спят, но моя лучшая подруга никогда не относилась к нормальным людям.

— Ты сидишь? — выпалила она вместо приветствия.

— Лежу. Морально.

— Вставай. Морально. — Лиля работала рекрутером в кадровом агентстве и обладала энергией маленькой атомной станции. — Значит, слушай. К нам сегодня упала закрытая вакансия. Модный дом «Аверин». Личный ассистент генерального директора. Ты знаешь, кто такой Аверин?

Знала, конечно. Кто в мире тканей не знал «Аверин»? Их платья мелькали на обложках и красных дорожках, на их показы невозможно было попасть, а о самом Аверине ходили легенды — одна страшнее другой.

— Лиль, это тот, который за месяц уволил трех ассистенток?

— Ты слишком много читаешь телеграм-каналы. Я уже отправила им твое резюме.

— Ты что сделала?!

— Собеседование завтра в десять. Не благодари.

Дальше Лиля говорила еще минут десять — про зарплату, про шанс, про то, что я «закопала свой талант в рулонах чужого бархата», — а я слушала, глядя в темное окно, где отражались моя кухня, моя чашка и мое уставшее лицо. Потом я сказала «хорошо». Просто потому, что спорить с Лилей в полночь было еще бесполезнее, чем днем.

Ночью я долго не могла уснуть. Лежала рядом с сопящей Соней, трогала саднящий синяк на бедре и думала о синих глазах. О руке на затылке. О том, как он сказал «Вы не ушиблись?» — так, будто ему действительно было не все равно.

Ерунда. Это была случайность. Москва — огромный город, а такие, как он, не ходят по одним улицам с такими, как я.

Глава 2

(Дмитрий)

Я сел в машину и с силой захлопнул дверь. Дождь стекал по лобовому стеклу сплошной пеленой, дворники не справлялись.

— Домой, Дмитрий Александрович? — Павел посмотрел на меня в зеркало заднего вида, и в его взгляде мелькнуло осторожное любопытство. — А шелк?

— Завтра.

— Понял.

Павел работал со мной тринадцать лет — с того самого дня, когда вся моя компания помещалась в съемной однушке на Бауманской, — и понимал меня лучше, чем некоторые члены совета директоров. Он молча вырулил на Малую Бронную, а я откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.

Отвратительный понедельник. Начался он с того, что совет директоров два часа обсуждал бюджет весеннего показа, продолжился тем, что Валерия трижды за день нашла повод заглянуть ко мне в кабинет, а закончился... этим.

Я открыл глаза и посмотрел на свои руки.

Двадцать минут назад я держал в них незнакомую девушку. Маленькую, легкую, пахнущую чем-то простым — то ли карамелью, то ли пылью тканей. Она уперлась ладонями мне в грудь, а я стоял и не мог заставить себя ее отпустить. Ее сердце колотилось так, что я чувствовал его сквозь пальто.

Глаза у нее были янтарные. Не карие, не медовые — именно янтарные, как смола на солнце. И веснушки на переносице, бледные, едва заметные, которые я разглядел, только оказавшись к ней вплотную. Губы чуть приоткрыты. И этот взгляд — испуганный и злой одновременно.

«А вы понимаете, что такое базовое воспитание?»

Я хмыкнул. Так со мной не разговаривал никто уже лет десять. Подчиненные бледнели, когда я входил в лифт. Поставщики соглашались на любые сроки. Даже Валерия со всем своим арсеналом декольте и придыханий ни разу не рискнула мне возразить. А эта девочка — метр шестьдесят с кепкой, в фартуке с логотипом салона, со смешной прядью, прилипшей ко лбу, — стояла передо мной и указывала мне на дверь.

И ведь она была права. Я сам задел эту чертову стойку. Сам вломился в закрывающийся магазин и сорвал злость на продавщице, которая работала, наверное, двенадцатый час подряд. Это было видно по ее лицу. По тому, как она держалась за край прилавка.

А потом я ее отпустил. Просто разжал руки, и она упала.

Я поморщился. Это было низко. Но если бы я продержал ее еще хоть секунду, то поцеловал бы. Посреди чужого магазина. Незнакомую девушку, которая только что назвала меня невоспитанным. И, судя по тому, как дрогнули ее ресницы, когда я посмотрел на ее губы, она бы мне это позволила. А потом, скорее всего, влепила бы пощечину.

Я не мог позволить себе ни того, ни другого. Поэтому выбрал роль мерзавца. Она мне всегда удавалась лучше всего.

— Дмитрий Александрович, — подал голос Павел, — у вас там на пальто... зацепилось что-то.

Я опустил взгляд. На второй пуговице, запутавшись в нитке, висела заколка. Маленькая, перламутровая, в виде бабочки. Одно крыло было чуть отколото по краю, перламутр потускнел от времени. Явно не новая. Явно не из тех, что продают пачками в переходах. Такие вещи носят годами, потому что они что-то значат.

Я аккуратно отцепил ее и покрутил в пальцах. Застежка держалась на честном слове.

Логичнее всего было отдать ее Павлу, чтобы тот завтра вернул ее в салон, когда поедет за шелком. Вместо этого я убрал заколку во внутренний карман. Туда, где лежала ручка, которой я подписывал контракты на миллионы.

Павел в зеркале ничего не сказал. Только морщинки в уголках его глаз подозрительно собрались.

— Следите за дорогой, — буркнул я.

— Слежу, Дмитрий Александрович.

Телефон в кармане завибрировал. Егор. Мой лучший друг со школы, финансовый директор моей компании и главная заноза в моей жизни.

— Ты где? — без предисловий спросил он. Судя по гулкому эху, он уже был в зале. — Девять тридцать, Аверин. Ты обещал. Я снял площадку, взял мяч и даже не позвал девушек, чтобы ты не страдал.

Баскетбол по понедельникам был нашей традицией с девятого класса. Тогда мы играли во дворе на кривом кольце без сетки, теперь — в зале спортивного клуба на Фрунзенской. Суть не изменилась: Егор болтал, я забивал.

— Буду через двадцать минут, — сказал я и бросил водителю: — На Фрунзенскую.

* * *

Мяч с глухим стуком ударился о щит и провалился в корзину.

— Ну и что это было? — Егор, мокрый насквозь, уперся руками в колени и тяжело дышал. — Ты играешь так, будто хочешь кого-то убить. Восемнадцать — шесть. Я, между прочим, твой друг, а не боксерская груша.

— Ты сам позвал.

— Я позвал тебя поиграть, а не устроить мне публичную казнь. — Он выпрямился и прищурился. Карие глаза хитро блеснули. — Так. Стоп. Я знаю это лицо. Это лицо «я встретил женщину, и она меня бесит». И у тебя его не было... дай-ка подумать... никогда.

— Шелк не привезли, — сказал я и запустил в него мячом.

Егор поймал его у самого носа.

— Это который миланский? Через тот салон на Патриарших?

Я кивнул. Миланская фабрика три года поставляла мне ткани напрямую, но этой весной ее владельцы подписали эксклюзивный договор на дистрибуцию в России, и теперь каждый метр их шелка шел через один-единственный салон. Тот самый, на Патриарших. Шесть рулонов под весеннюю коллекцию. Оплачены месяц назад. Должны были прийти сегодня утром.

— А там что?

— А там девушка-продавец, которая ничего не знает и предлагает мне прийти завтра с девяти.

— И ты, конечно, вежливо согласился, — ухмыльнулся Егор.

Я промолчал. Егор присвистнул.

— Ага-а. Значит, девушка-продавец. Красивая?

— Играем, — я отобрал у него мяч.

— Аверин, тебе тридцать два года, а краснеешь ты как в седьмом классе, когда Ленка Смирнова...

Мяч прилетел ему в живот. Егор согнулся пополам и захохотал.

— Красивая, — сипло констатировал он. — Ясно. Слушай, а шелк... Ты не думал, что это может быть Ветров?

Я замер.

Марк Ветров. Бренд VETROV, четыре года на рынке. Грант от модного фонда, о котором в свое время писали все глянцевого журналы: «молодой гений, вчерашний студент». Его первая коллекция действительно была хороша. Слишком хороша для того, что он делал потом. С тех пор Ветров специализировался на одном — появляться там, где я уже побывал. Он перемани-

вал моих поставщиков. Моих портних. Однажды он выпустил капсулу на месяц раньше моей, и силуэты в ней были подозрительно похожи на мои. Доказать я ничего не смог.

— Если это он, — тихо сказал я, — я его закопаю.

— Вот это я понимаю, боевой настрой для понедельника, — Егор хлопнул меня по плечу.

— Пошли в душ, маньяк. Завтра разберемся.

* * *

Пентхаус встретил меня темнотой и тишиной.

Я не стал включать верхний свет. Бросил пальто на спинку дивана, плеснул себе виски на два пальца и встал у панорамного окна. Внизу, под дождем, расплывалась огнями Москва. Река казалась черной.

Я любил эту квартиру за то, что в ней не было ничего лишнего. Ничего, что отвлекало бы. Ничего, что напоминало бы.

Сегодня она почему-то казалась пустой.

Я сел за стол, включил лампу и придвинул к себе альбом. Так я делал всегда, когда не мог уснуть: рисовал, пока голова не становилась легкой и звонкой. Мама говорила, что хорошее платье начинается не с рисунка, а с выкройки. С точных линий на бумаге, которые потом становятся тканью. Я машинально провел пальцами по правому предплечью, по черным линиям, уходящим под рукав, и взялся за карандаш.

Сначала линия плеча. Потом спина, открытая почти до поясицы. Асимметричный вырез, тонкая бретель. Ткань, которая должна стекать по фигуре, как вода, и мягко драпироваться на талии.

Я рисовал минут сорок, не отрываясь. А когда наконец откинулся на спинку стула и посмотрел на лист, выругался вслух.

Это была она.

Не лицо — лиц я никогда не рисую. Но пропорции. Узкие плечи. Тонкая талия, которую я держал в руках. Длинные ноги — даже в тех бесформенных брюках было видно, какие они длинные и стройные. Как у олененка, который только учится стоять. Бэмби.

Я смотрел на эскиз и понимал, что это лучшее, что я нарисовал за последние полгода.

— Твою мать, — сказал я пустой квартире.

Телефон звякнул в половине двенадцатого. Лука, менеджер миланской фабрики, писал по-английски, щедро расставляя смайлики:

«Дмитрий, добрый вечер! Ваш груз доставлен сегодня в 10:12, получатель — салон на Патриарших, подпись — Л. М. Гордеева. Надеюсь, шелк вам понравится!»

Я перечитал сообщение трижды.

Шелк был в салоне. С утра.

Значит, девушка мне солгала? Я вспомнил ее лицо — злое, усталое, честное. «Я не знаю, кто вы такой и что вы там бронировали». Нет. Она не вралла. Такие, как она, вообще не умеют врать: у них все написано в глазах. Она просто ничего не знала.

А вот ее управляющая знала.

* * *

В семь утра я уже был одет, а в семь ноль пять набирал номер Лидии Михайловны Гордеевой.

Она ответила на шестом гудке, сонным и недовольным голосом, который мгновенно изменился, стоило мне представиться.

— Дмитрий Александрович! Какая честь... Да-да, я как раз хотела вам позвонить, тут, понимаете, такая накладка вышла...

— Где мой шелк, Лидия Михайловна?

Пауза. Я слышал, как она сглотнула.

— Понимаете... вчера утром пришел клиент. Очень... уважаемый клиент. Он предложил за всю партию втрое больше, наличными, и сказал, что фабрика допоставит вам новую через пару недель, а я подумала...

— Кто.

Это даже не прозвучало как вопрос.

— Господин Ветров. Лично, — пролепетала она. — Но вы же понимаете, бизнес есть бизнес, я бы вас ни за что не подвела, если бы...

Я стиснул телефон так, что хрустнул чехол.

Ветров. Конечно, Ветров. Он знал, под что я заказывал эту ткань. Знал, что фабрика отшивает ее малыми партиями и следующая будет не раньше чем через полтора месяца. Знал, что без этого шелка мне придется переделывать половину весенней коллекции.

— Вы продали оплаченный товар, Лидия Михайловна, — сказал я ровно. Очень ровно. Люди, которые меня знают, начинают бояться именно этого тона. — Мои юристы свяжутся с вами сегодня. Фабрика — тоже. Думаю, ваш эксклюзивный договор закончится раньше, чем вы успеете пересчитать наличные Ветрова.

— Дмитрий Александрович, подождите! Я все верну! И ваши деньги, которые вы вчера оставили, — Оливия убрала их в сейф, там и записка ее, все до копейки...

Я замолчал.

Оливия.

Ее зовут Оливия.

Сто пятьдесят тысяч наличными лежали у кассы пустого магазина, и девочка, которой, судя по ее стоптанным туфлям, эти деньги были нужнее, чем кому-либо в этом городе, убрала их в сейф. С запиской. Все до копейки.

— Девушка здесь ни при чем, — сказал я. — И если я узнаю, что вы свалили это на нее...

— Нет-нет, что вы!

Я сбросил вызов.

* * *

К девяти утра весь сорок пятый этаж уже знал, что у Аверина плохое настроение. Новости в моей компании распространялись быстрее, чем по оптоволокну.

Я провел планерку за пятнадцать минут вместо часа. Отправил на доработку смету отдела маркетинга. Велел юристам готовить претензию салону, а закупщикам — искать замену миланскому шелку где только возможно. Валерия дважды попыталась войти в кабинет и дважды вышла, так и не дойдя до моего стола.

В половине десятого в дверь робко постучала Анна.

— Дмитрий Александрович, по поводу ассистента...

Я поднял голову. Анна прижала планшет к груди, как щит.

— Кадровое агентство прислало кандидатку. Девушка придет в десять. Я понимаю, вы сказали, что больше не хотите тратить время на собеседования, но без ассистента ваш график... — она запнулась под моим взглядом, — ваш график немного... разваливается.

Немного. За последнюю неделю я пропустил две встречи и один раз приехал к партнерам в Петербург не в тот день.

— Резюме? — без интереса спросил я.

— Я вам отправила, — Анна торопливо ткнула в планшет. — Опыта на такой позиции нет, но...

— Неважно. — Я отвернулся к эскизам. — Три минуты, Анна. Не справится — пусть уходит.

Резюме я так и не открыл. Вместо этого снова достал вчерашний ночной эскиз и долго смотрел на линию открытой спины, а потом зачем-то вытащил из кармана перламутровую бабочку и положил рядом.

Сегодня вечером я заеду в салон. Скажу, что шелк меня больше не интересует. Верну заколку. Извинюсь за то, что уронил ее. Может быть.

А потом просто уйду и забуду ее лицо, ноги... и все остальное.

Ровно в десять на селекторе загорелась лампочка.

— Дмитрий Александрович, — голос Анны в динамике звучал так, будто она шла на эшафот. — Новая кандидатка.

Я поднял голову.

По ту сторону стеклянной стены, вздернув подбородок, стояла девушка с янтарными глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.